

СССР.

1946 год — год мира и новой жизни

Может быть, учебники истории будущих веков откроют новую главу, когда в хронологическом порядке на страницах появится год: 1945-й. Как 1492 год — год открытия Америки принято считать началом современной эпохи, годом закрывшим двери в средневековье, так и 1945 год будет символом новой, лучшей эры. К столетней, тридцатилетней и семилетней войнам прошлых эпох истории прибавят новую тридцатипятилетнюю войну, закончившуюся в 1945 году.

Есть незабвенные даты на календаре человечества: Иды марта, четырнадцатое июля, четырнадцатое декабря, Великий Октябрь. Первым из первых будет третье февраля 1943 года, когда рухнула германская мощь у дымившихся развалин Сталинграда, а самым великим днем, то

ясное весеннее утро второго мая 1945 года, когда сталинградские герои водрузили над логовом фашистского зверя знамя величайшей победы.

Война, начатая германским империализмом в 1914 г., закончилась в 1945. Правда, было двадцатилетнее перемирие, но сколько крови было пролито в эти «мирные» годы! Была и Маньчжурия, и Абиссиния, и Испания, и «бескровные» аншлюсы и Прага... Очутившись от гитлеровского кошмара лишь в 1945 году, человечество в праве сказать: «Мы этот год запомним». Фашизм с приспешниками разбит на полях сражений, разбит идеологически, но еще далеко не все его корни выкорчеваны из разрытой снарядами и авиабомбами, израненной и полнотой крови земли. Шесть лет вместо хле-

ба поля засеивались костями и осколками гранат. И победный, решающий 1945 год, не принес хлеба, не принес успокоения. Все острые экономические и социально-политические проблемы, раздуваемые последними приспешниками фашизма, остались в тяжелом наследию грядущему году. Еще многое недоговорено. Многие недоделано. Но есть упорная воля всех свободолюбивых народов договориться и доделать все до конца. Чтобы вздохнуть полной грудью и пожать плоды нечеловеческих усилий. Корни 1945 года молоды: они в октябрьских днях семнадцатого года. И только предвзятый разум и злобное сердце откажутся увидеть, чья преимущественная заслуга в том, что этот 1945 г. войдет в историю символом победы демократии и социальной справедливости над гитлеровским мракобесием.

Нам, очевидцам, постигавшимся увидеть наступающий 1946-й год. Мы обязаны теперь, поспеть в шаг, которым идет наша Родина, принесшая своими неслыханными жертвами решающий вклад в общее дело. Но не только лишь жертвами: а всем тем, что породило и осуществило Октябрь.

Завесты Октября — наша прямая дорога.

Нам надо быть на посту, когда сорок шестой год разрешит все поставленные вопросы. И ответ на них уже начертан на знамени, которое от берегов Волги по валитому кровью пути, было донесено до мутных вод Шпрее.

Юрий Гудзак.

Неизвестное стихотворение Лермонтова

До сих пор поэма «Хаджи-Абрек», помещенная в журнале «Библиотека для чтения» в 1835 году, считалась первым опубликованным произведением Лермонтова. Однако недавно проф. Н. Бродский установил, что первым произведением Лермонтова, появившимся в печати, является стихотворение «Восна», помещенное в журнале «Атеней» в 1830 году (номера 19-20-21) и подписанное французской буквой «L». Экземпляр журнала экспонируется на лермонтовской выставке в Литературном музее.

Приводим это неизвестное стихотворение Лермонтова, не вошедшее ни в одно из собраний сочинений поэта.

ВОСНА

Когда весной разбитый лед
Рекой взволнованной идет,
Когда среди полей местами
Чернеет голая земля
И мгла ложится облаками
На полные поля:
Мечтает злая грусть длеет
В душе неопытной моей.
Гляжу — природа молодеет:
Но молодеет лишь только ей!
Ланит спокойных пламен алый
С годами время уветает,
И тот, кто так страдал бывало,
Любови к ней в сердце
Не найдет.

Ленинградская симфония

«Седьмая симфония» — программное сочинение, посвященное грозным событиям 1941 года. Она состоит из четырех частей. Первая часть рассказывает о том, как в нашу прекрасную, мирную жизнь ворвалась грозная сила — война. И не ставила себе задачей натуралистически изобразить военные действия (гул самолетов, грохот танков, залпы пушек), а не считала, как называемой, батальной музыки.

Экспозиция первой части симфонии повествует о счастливой жизни людей, уверенных в себе и своем будущем. Это простая, мирная жизнь какой-то войны жили тысячи ленинградских ополченцев, весь город, вся наша страна. Через весь средний эпизод проходит тема войны.

Вторая часть — очень лирическое скерцо. Тут воспоминания о каких-то приятных событиях, о радостных эпизодах. Все это подернуто легкой, далекой грустью и мечтательностью.

Третья часть — патетическое адажио. Упоение жизнью, преклонение перед природой — вот мысли, заложенные в третьей части. Третья часть без перерыва переходит в четвертую. Наряду с первой, четвертая является основой в этом сочинении. Первая часть — это борьба, четвертая — грядущая победа.

Так говорит сам Шостакович о своей «Ленинградской Симфонии», которая является несомненно одним из значительнейших музыкальных произведений за все последние годы. Если и можно говорить о программности симфонии Шостаковича, то только в том смысле, что и о 4-ой симфонии Чайковского с ее чисто импрессионистической и эмоциональной стихией, чуждой литературности, но полной высшей музыкальной правды. Даже и в этом суженом смысле по-настоящему программная только первая часть симфонии, кстати сказать самая непосредственно сильно действующая на слушателя.

Начинается она величавой и широкой темой легкого Баховского характера, мажорной и волею развешивающей: кажется будто бы слышим пробуждение ясным утром большого города. Эта тема в своем всестороннем развитии истеричается до конца, являясь как бы отдельной симфонической картиной. После нее появляется новая, вторая тема, совершенно исключительной русской певучести, пасторальная, нежная, с певучей кантатной скрипкой, мелодически-лирическая, полная того настроения, которое охватывает человека, когда в ясный прелестный час умолкают все шумные нестрой жизни, и в природе слышится тот благовест, который погружает душу в тихое и светлое раздумье.

В самом конце эта вторая симфоническая картина — развешивание тем ч-цельные симфонические картины и являются причиной исключительно больших размеров симфонии, тихое раздумье, напускается легким тремоло барабана, появляется где-то облако, звучит мотив войны, настойчиво, почти назойливо, повторяющийся по-очереди всеми инструментами: начинаясь легкой барабанной дробью, он подхватывается сперва флейтой, потом гобоями, потом кларнетом, трубами и, наконец, всеми инструментными оркестрами. Легко начавшийся мотив переходит в грозно и широко звучащее момент-морю войны, и повторяется бесконечное число раз, становится безжалостным своим каким-то тупым ударом, беззастыдливым, как кошмар. Этот прием напоминает «Волероз» Раваля, но отличается от него гораздо более трагическим осмыслением. Видится какой-то громадный, ужасный, беспощадный тис, который давит все на своем пути. Все нервы оркестра напрягаются в этой военной грозе, после которой слышатся отголоски первых тем, и нежная лирика переплетается с мажором. Возвращается спокойствие — дух торжествует над материей, — и только в самом конце части, уже как эхо, как напоминание, звучит мотив войны, совсем так, как фатум Чайковского или тема судьбы Бетховена.

Вторая часть, оригинальная, как оригинальна вся Шостаковича, построена по образцу вторых частей симфоний Чайковского: как и Чайковский, Шостакович очень улабающей грустью и легким неспешным лиризмом, как будто, хочет дать отдохнуть слушателю после большого напряжения первой части. И, действительно, отдыхает в этой изысканной, легкой стихии.

Когда мы называем Чайковского, мы совсем не имеем в виду ни тематической близости, ни тем более подражания Чайковскому, а указываем только на характер строения частей симфонии у Шостаковича. В этом, — и только в этом, — смысле нужно понять и наши слова, что третья часть «Ленинградской Симфонии» похожа на вторую часть «Героической Симфонии» Бетховена. Как и у Бетховена, третья часть симфонии Шостаковича — большая похоронная песня, очень торжественная, мрачная и строгая, и в то же время подкупающая своей мягкостью, своей человечностью и невинностью.

«Ленинградская Симфония» лишний раз свидетельствует о большой духовной близости Шостаковича к Чайковскому. Его симфония больше всего можно сравнить с 4-ой симфонией Чайковского, но, в то время, как Чайковский изнемо-

гает под гнетом фатума, «момента мори» Шостаковича побеждается верой в чистый дух человечества. Этот оптимизм несколько неожиданный и для самого Шостаковича; в своих предыдущих симфониях он был скорее мрачным пессимистом с дерзкими гротескными выходящими из кричащего нигилизма, который не видит ничего, кроме окончательного разложения. В «Ленинградской Симфонии» он — новый романтик-идеалист, не отворачивающийся от житейской прозы, как прежние «внешнежизненные» романтики, не принимающие жизни и метафизически преодолевающий ее мертвенную тяжесть. Такой романтизм отмечает и все советское искусство, прошедшее через гнев, слезы и кровь, и поверившее в чистую идиллию будущего нового прекрасного мира.

«Ленинградская Симфония» впервые исполнялась полностью в Париже 11-го декабря под управлением Бито (в мае месяце ею дирижировал Мюши в Опера с некоторыми сокращениями).

Р. Гофман.

Советское искусство

В Москве открылся Центральный дом работников искусства и состоялась выставка работ московских художников. По примеру прошлых лет, в течение сезона будут устраиваться традиционные «среды».

В московском Доме актера состоялась конференция театральных художников, столичных и выставок эскизов и макетов.

Первую за последние пять лет всесоюзную конференцию режиссеров созывают в Москве в этом году Комитет по делам искусства при СНК СССР.

Создан Художественный совет по театру и драматургии при Комитете по делам искусства. Совет обсуждал новые пьесы: «Бранденбургские ворота» М. Светлова; «Это было в Праге» К. Симонова; «Сентиментальное знакомство» Н. Погодина и др.

В Государственном театре имени Евт. Вахтангова была поставлена историческая трагедия «Великий государь». Автор — лауреат Сталинской премии В. Соловьев подал в пьесе последние годы царствования Грозного. Декорации писал худ. Фаворский, музыку для спектакля — композитор Сизов.

В новом сезоне московский Камерный театр готовит к постановке, — как о том сообщает А. Я. Таиров, — пьесу поэтессы Ольги Берголы и Г. Макагоненко «Они жили в Ленинграде». В дальнейшем театр выпустит новую постановку классической испанской комедии «Дама-невидимка» Кальдерона в переводе Т. Щепкиной-Куперник, и покажет одну из своих капитальных работ — «Мадонна Бовари» по Флоберу (спешеческий вариант А. Коенен). Мы хотим показать в новой постановке, — один из замечательных образов классической трагедии — «Федра» Расина, специально переведенную в 1920 году, по просьбе нашего театра, Валерием Брюсовым. К десятилетия со дня смерти Горького театр покажет драму Горького «Старик».

Из произведений современных западноевропейских авторов театр остановился на комедии Сомерсета Моэма «Идеальная жена», переведенной Т. Щепкиной-Куперник.

Театр с радостью встретился с английским художником Дж. Б. Пристли, работа над пьесой которого «Инспектор пришел», доставшая всем участникам большое творческое удовлетворение. «Мы были рады услышать, — говорит Таиров, — от Пристли пожелание, чтобы Камерный театр поставил его новую пьесу «Джени Вилерс».

Пьеса Дж. Пристли «Изнанание из раз» включена в репертуар Театра им. Вахтангова. Постановка поручена режиссеру А. Ремизовой.

Л. З.-в.

ные спектакли московских театров: «Сотворение мира» Н. Погодина; «Ленинградское шоссе» А. Гладкова и «Великий государь» В. Соловьева.

В состав совета вошли В. Качалов, Л. Леонид, И. Москвин, Н. Погодин, Р. Симонов, К. Симонов, А. Таиров, Д. Шостакович и др.

В Государственном театре имени Евт. Вахтангова была поставлена историческая трагедия «Великий государь». Автор — лауреат Сталинской премии В. Соловьев подал в пьесе последние годы царствования Грозного. Декорации писал худ. Фаворский, музыку для спектакля — композитор Сизов.

В новом сезоне московский Камерный театр готовит к постановке, — как о том сообщает А. Я. Таиров, — пьесу поэтессы Ольги Берголы и Г. Макагоненко «Они жили в Ленинграде». В дальнейшем театр выпустит новую постановку классической испанской комедии «Дама-невидимка» Кальдерона в переводе Т. Щепкиной-Куперник, и покажет одну из своих капитальных работ — «Мадонна Бовари» по Флоберу (спешеческий вариант А. Коенен). Мы хотим показать в новой постановке, — один из замечательных образов классической трагедии — «Федра» Расина, специально переведенную в 1920 году, по просьбе нашего театра, Валерием Брюсовым. К десятилетия со дня смерти Горького театр покажет драму Горького «Старик».

Из произведений современных западноевропейских авторов театр остановился на комедии Сомерсета Моэма «Идеальная жена», переведенной Т. Щепкиной-Куперник.

Театр с радостью встретился с английским художником Дж. Б. Пристли, работа над пьесой которого «Инспектор пришел», доставшая всем участникам большое творческое удовлетворение. «Мы были рады услышать, — говорит Таиров, — от Пристли пожелание, чтобы Камерный театр поставил его новую пьесу «Джени Вилерс».

Пьеса Дж. Пристли «Изнанание из раз» включена в репертуар Театра им. Вахтангова. Постановка поручена режиссеру А. Ремизовой.

Л. З.-в.

Все члены победоносной команды динамовцев получили в награду за блестяще проведенную футбольную кампанию

Народная интеллигенция

Что представляет собой новая советская интеллигенция? Каково ее положение и ее роль в советской жизни?

Ответ на эти вопросы нам дает статья «Правды» в радио-передаче из Москвы:

Плечом к плечу, рука об руку в одном строю с рабочим и крестьянином идет советская интеллигенция. У них — единая газета, — один общий путь. Работники физического труда и работники труда умственного не разделены у нас китайской стеной. Общность интересов сплачивает их в единый коллектив. Великие и благородные идеалы социалистического общества одинаково близки и дороги рабочему, колхознику и ученому. Они члены большой и дружной семьи.

В годы великой Отечественной войны товарищ Сталин высоко оценил роль и заслуги советской народной интеллигенции перед родиной, перед советским народом, перед доблестной Красной Армией. Он подчеркнул, что наша интеллигенция не отставала от рабочего класса и крестьянства в деле помощи фронту. «Советская интеллигенция», — указывал товарищ Сталин, — предано работает на дело обороны нашей страны, непрерывно совершенствует вооружение Красной Армии, технику и организацию производства. Она помогает рабочим и колхозникам в подъеме производительности и сельского хозяйства, двигает вперед в условиях войны советскую науку и культуру.

«Это совершенно новая трудовая интеллигенция, подобной которой не найдется ни в одной стране земного шара».

Испытания войны показали, какой могучей силой является советская народная интеллигенция. Наши конструкторы и инженеры создали первоклассные боевые машины, сыгравшие огромную роль в разгроме врага. Специалисты сельского хозяйства руководили борьбой колхозников за хлеб — то же оружие в войне. Мелкопленные работники силой своего знания побеждали смерть. Они спасли тысячи раненых на полях сражений, и они же добились того, что за все военные годы наша страна не знала эпидемий, этих неизбежных спутников прежних войн. Благородный труд учителей сказывался в поведении и в подвигах советской молодежи на фронте. Учителя, воспитавшие таких героев-патриотов, как Николай Гастелло и Зоя Космодемьянская, оправдали свое высокое предназначение. И, наконец, интеллигенция наша представлена советским офицерством и советским генералитетом, составляющим цвет нашего народа, гордость его.

Испытания войны показали, какой могучей силой является советская народная интеллигенция. Наши конструкторы и инженеры создали первоклассные боевые машины, сыгравшие огромную роль в разгроме врага. Специалисты сельского хозяйства руководили борьбой колхозников за хлеб — то же оружие в войне. Мелкопленные работники силой своего знания побеждали смерть. Они спасли тысячи раненых на полях сражений, и они же добились того, что за все военные годы наша страна не знала эпидемий, этих неизбежных спутников прежних войн. Благородный труд учителей сказывался в поведении и в подвигах советской молодежи на фронте. Учителя, воспитавшие таких героев-патриотов, как Николай Гастелло и Зоя Космодемьянская, оправдали свое высокое предназначение. И, наконец, интеллигенция наша представлена советским офицерством и советским генералитетом, составляющим цвет нашего народа, гордость его.

Испытания войны показали, какой могучей силой является советская народная интеллигенция. Наши конструкторы и инженеры создали первоклассные боевые машины, сыгравшие огромную роль в разгроме врага. Специалисты сельского хозяйства руководили борьбой колхозников за хлеб — то же оружие в войне. Мелкопленные работники силой своего знания побеждали смерть. Они спасли тысячи раненых на полях сражений, и они же добились того, что за все военные годы наша страна не знала эпидемий, этих неизбежных спутников прежних войн. Благородный труд учителей сказывался в поведении и в подвигах советской молодежи на фронте. Учителя, воспитавшие таких героев-патриотов, как Николай Гастелло и Зоя Космодемьянская, оправдали свое высокое предназначение. И, наконец, интеллигенция наша представлена советским офицерством и советским генералитетом, составляющим цвет нашего народа, гордость его.

НА РОДИНЕ

С. И. ВАВИЛОВ
ПРЕЗИДЕНТ АКАДЕМИИ НАУК

Избранному президентом Академии наук СССР Сергею Ивановичу Вавилову — 54 года. Академик Вавилов один из крупнейших физиков СССР. Его труды в области оптики завоевали ему широкую известность и мировое признание. С 1932 года С. И. Вавилов возглавляет Физический институт имени П. Н. Лебедева.

Академик Вавилов — депутат Верховного Совета РСФСР. За свои выдающиеся труды С. И. Вавилов награжден двумя орденами Ленина, орденом Трудового красного знамени и удостоен Сталинской премии.

НАГРАДЫ ДИНАМОВЦАМ

Все члены победоносной команды динамовцев получили в награду за блестяще проведенную футбольную кампанию

Естественны глубокое уважение и любовь, которые питают рабочие и крестьяне к своей интеллигенции. Понятия надежды, которые народ возлагает на работников умственного труда ныне, когда страна наша вступила в новую полосу своей истории, когда перед страной встали задачи быстрого восстановления народного хозяйства, пострадавшего от войны и осуществления грандиозной программы дальнейшего мирного развития социалистической экономики, развития социалистической культуры. Наш народ должен сделать и он делает новые шаги вперед, он завоевывает новые вершины, он прославляет себя новыми проявлениями своего гения.

Нашим интеллигентам присуще и то драгоценное качество, которое товарищ Сталин называет чувством нового. У нас, наконец, мысль и труд интеллигента поддерживаются всей социалистической системой нашего строя, всей мощью нашего государства. В этих условиях поистине нет таких крепостей, которых не могли бы взять советские люди.

Блистательны перспективы роста и расцвета экономики, хозяйства, культуры нашей страны. В борьбе за реализацию этих перспектив интеллигенция призвана нести ответственную миссию. Говори, что мы имеем в виду и ученого, открывающего новые научные законы, и практика, работающего на предприятии или в поле. Все они служат одному делу, все они в том или ином масштабе помогают нашему народу идти вперед.

Советские интеллигенты должны отчетливо представлять значение своей работы, видеть пафос ее.

В советских условиях каждый работник имеет полную возможность заниматься тем делом, к которому лежит его душа, которое ему понятно и дорого. Коротко говоря, работник должен быть использован по назначению. Нормально, когда инженер выполняет работу, с которой может справиться техник. Плохо, когда агроном, место которого в поле среди колхозников, превращают в канцеляриста райисполкома.

Перспективы нашего развития вдохновляют всех советских людей. Об этих перспективах говорил в своем докладе В. М. Молотов. «В быстром росте культурной жизни нашей страны и в том факте, что теперь интеллигенция, как передовая и наиболее культурная часть, слагается со своим народом, поднимая тем самым морально-политическое единство советского общества на еще более высокую ступень, — во всем этом нельзя не видеть нового подвига советского демократизма, открывающего нас новыми надеждами и уверенностью относительно будущего нашей страны».

в Англии по 10.000 рублей. Лучшие игроки команды награждены, кроме того, званием «Почетного мастера спорта».

ПЕРЕСАДКА СЕРДЦА

В лаборатории проф. Синицына, в Горьком, производится с 1942 г. опыты по пересадке сердца. Начатые на лягушках, опыты продолжались на теплостроительных животных и в последнее время коллектив лаборатории научился производить пересадку кроликам, кошкам и собакам второго сердца с полным включением его в большой круг кровообращения.

В конечном итоге, эта огромная научно-исследовательская работа должна привести, по мысли проф. Синицына, к возможности замены у теплостроительных животных (и, стало быть, и у человека) ушибленного или испорченного болезнью сердца новым, здоровым.

Л. Н. Толстой

Новые страницы: Наташа Ростова

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ВАРИАНТЫ «ВОЙНЫ И МИРА»

Вряд ли есть в мировой литературе другой женский образ, полный такой поэзии, такого обаяния, чарующей прелести и в то же время — реальной, живой, совершенно не прикрашенной, не надуманной, не наделенный какими-то особенными чертами. Наташа Ростова — русская девушка, выросшая на русской народной почве, на фоне русской природы, нам до сегодняшнего дня своя, родная, близкая, любимая миллионами советских читателей. По роману «Война и мир» за рубежом читают наш народ, по Наташе Ростовой учатся любить и понимать русскую девушку во всем неисчерпаемом богатстве ее душевных сил, искренности, непосредственности, простоты, мудрости и патристизма.

Толстой, великий реалист, беспристрастный судья всех своих героев, объективный критик, искренний и честный художник, любящий образ Наташи Ростовой, писал его с нежностью; он любилась этой обаятельной русской девушкой, и поэтому то Наташа Ростова так и улетала ему, поэтому в работе над ним он почти не знал творческих неудач.

Поэтому нам кажется, что читатели с интересом прочтут впервые публикуемый ниже отрывок из «Войны и мира». Он входит в подготовленный уже к печати XIII том Юбилейного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

Старая графиня сидела в кабинете на своем кресле, повелевая, помогавшая, десятилетиями со времени приезда своего сына. Она не смотрела уже на табакерку с портретом, а смотрела на него в действительности или на дверь, в которую она ждала, что войдет он, ее красавец, герой, лучший сын, лучший молодой человек в мире. Наташа вбежала в комнату.

— Мама, Коко едет к пыханам. Я никогда не видела пыган, только одну, странную, у нас в деревне. Я знаю, что вы не будете пускать меня. Но я непременно поеду к ним.

— Ты знаешь, что это нельзя и это — глупости, — сказала мать.

— Ты не пугайся, и не улыбайся, и не гляди на меня. Это о Соне будет, ты все слышишь, ничего не говори, а все слушаешь, что я буду говорить, а то я спутаюсь. Вот, выходишь ли! — начала она с отчаянной решительностью, прямо приступая к делу. — Соня видит, что ты с нею не такой, как был прежде. Соня боится, что тебе с нею неважно будет, помнишь оттого, что у нас было, как ты ужасал. Но это ничего. Она велела мне сказать тебе. Ты постой, не мешай, — и она заговорила, торжественно перебивая его и до слез красная. — Она велела мне сказать тебе, что ежели ты думаешь о том, что ты говоришь ей перед отъездом в армию, ну знаешь, что ты хотел жениться на ней, так чтобы ты об этом не думал и ежели тебе кто нравится, тоб ты женился, а ей от тебя ничего не нужно. Да, постой, забыла еще главное, а что она тебе будет все так же любить. Ах, какал она смешная! Воль прайда, что это — отлучил, отлучил и отвернувшись, спрятала в руки вдруг свое изуродованное слезами счастливое лицо.

— Я не беру назад своего слова, — сказала Николай.

— Нет, нет, — закричала из-под муфты Наташа... — Мы про это с нею уже говорили, мы знали, что ты это скажешь. Но это нельзя, потому что, понимаешь, ежели ты отказываешься принять ее великодушный поступок, то выходит, что она как будто нарочно это сказала, выходит, что ты все-таки насильно на ней женишься и выходишь совсем не то. А ты скажи, голубчик Коко, что ты ей благодарен за ее великодушное, что то были детские мечты, но что ты все-таки ее любишь, но берешь назад свое слово. А потом, что же тебе мешает жениться на ней, когда захочешь ты жениться? Ах, какой ты смешной с усами. Она боится, что ты

— Коко, — сказала она, собравшись с духом и таким торжественным голосом, что брат испуганно оглянулся и улыбнулся.

— Ты не пугайся, и не улыбайся, и не гляди на меня. Это о Соне будет, ты все слышишь, ничего не говори, а все слушаешь, что я буду говорить, а то я спутаюсь. Вот, выходишь ли! — начала она с отчаянной решительностью, прямо приступая к делу. — Соня видит, что ты с нею не такой, как был прежде. Соня боится, что тебе с нею неважно будет, помнишь оттого, что у нас было, как ты ужасал. Но это ничего. Она велела мне сказать тебе. Ты постой, не мешай, — и она заговорила, торжественно перебивая его и до слез красная. — Она велела мне сказать тебе, что ежели ты думаешь о том, что ты говоришь ей перед отъездом в армию, ну знаешь, что ты хотел жениться на ней, так чтобы ты об этом не думал и ежели тебе кто нравится, тоб ты женился, а ей от тебя ничего не нужно. Да, постой, забыла еще главное, а что она тебе будет все так же любить. Ах, какал она смешная! Воль прайда, что это — отлучил, отлучил и отвернувшись, спрятала в руки вдруг свое изуродованное слезами счастливое лицо.

— Я не беру назад своего слова, — сказала Николай.

— Нет, нет, — закричала из-под муфты Наташа... — Мы про это с нею уже говорили, мы знали, что ты это скажешь. Но это нельзя, потому что, понимаешь, ежели ты отказываешься принять ее великодушный поступок, то выходит, что она как будто нарочно это сказала, выходит, что ты все-таки насильно на ней женишься и выходишь совсем не то. А ты скажи, голубчик Коко, что ты ей благодарен за ее великодушное, что то были детские мечты, но что ты все-таки ее любишь, но берешь назад свое слово. А потом, что же тебе мешает жениться на ней, когда захочешь ты жениться? Ах, какой ты смешной с усами. Она боится, что ты

в Юлии влюбился. Она все о тебе мечтает.

— Вот уж о ком меньше всего думаю, — сказал Николай, показывая тем, что ежил он не думал о Юлии, то он думал о других и находился в нерешимости, что отвечать своей маленькой сестре. — Я все-таки не могу отказаться от своего слова, — сказал он, по тон которым он сказал эти слова, показывая, что он давно уже отказался от него. Наташа была одна из тех чутких натур, которые слушают больше интонации, чем смысл слов. Она поняла его.

— Я тебе скажу секрет, — прибавила она с светящейся ей подвижностью, мгновенно переходя от слез к довольной улыбке. — Видишь ли, мы тысячу раз все переговорили уже с Соней. Ежели ты теперь захочешь быть верным своему слову, она не будет знать, любишь ты ее или нет. А это — главное.

— Главное? — дружески насмешливо повторил брат.

— Разумеется, главное, — значительно и серьезно продолжала Наташа. — А ежели ты забудешь про свое обещание, то никто тебе не мешает полюбить ее.

— Так стало быть она уже отказывается от меня? — с приторной обожженностью, но с радостью в душе сказал Николай.

— Да, да, — радостно повторила сестра (двоюндная), что найдена была та дипломатическая тонкость, которая уничтожала последнее затруднение.

— Ну, коли так, — сказал Николай, слегка поворачиваясь в саях, — то и говорить нечего. Однако, как это ты с кулаками выключила всему этому? — прибавил он. — И детские обещания, и главное, чтоб она знала, что ее любит, — сказал он, повторяя ее слова. — Ай да Наташа! Ах, как я тебе рад. Ну, а что же ты Борису не изменила? — спросил Николай.

Разногласие двух друзей детства, так очевидно выразившееся в свидании во время похода их, покровительственный поучающий тон, который принимал Ю-

рис с своим приятелем и немного, может быть, то, что Борис, только один раз бывши в деле, получил наград больше, чем Ростов и обоим его по службе, делал то, что Ростов, не признавался в том, не любил Борису, тем с большой силой, чем больше прежде он был с ним дружен. Кроме того, ежели Наташа разойдется с Борису, это будет для него как бы оправданием в изменении его в отношении с Соней, которые тяготили его тем, что это были обещания и отнимали свободу. Он, улыбаясь, как бы шутя, но виня тельно следил за выражением лица сестры в то время, как делал ей этот вопрос. Но Наташа до сих пор в жизни ничто еще не казалось заступанным и трудным, особенно из того, что касалось ее лично. Она, не замечавшая, весело отвечала:

— Борис — другое дело, — сказала она. — Он — твердый, но все-таки про него я скажу, что это было детское. И он может еще влюбиться, и я... — она промолчала, — и я могу влюбиться, — сказала она смело. — Ты не думай, что оттого, что вы за границы были и у тебя сабя и крест, что вы — большие, а мы все маленькие. Мне пятнадцатый год, уж бабунка в мою пору замуж вышла.

Найдя требуемого пыгана в белом кафтане, Николая с Наташей вернулись домой и Наташа, не снимая шубы, со всего разбега бросилась в комнату к Соне и уткнула ее тем, что она уже все переговорила с братом и что теперь все будет хорошо, что лучше его лет никого на свете и что он все-таки женится на ней, потому что лучше ее нет на свете.

— Да, коли бы он это думал, — вздыхая сказала Соня.

Толос Наташи был замечен и в Петербурге. Она пела раз в обществе, и баронесса Зальберг пригласила ее к себе, лелеяла и ухаживала за ней. На одном из музыкальных вечеров баронесса Зальберг была и Андрей на другой день после своего разочарования в Спиральском. Наташа пела и пела чрезвычайно

хорошо. Князь Андрей стоял в толпе и не видел, что поет, но, услышав голос Наташи, он вспомнил что-то весеннее, радостное, иное от всего того, что он испытывал в это свое пребывание в Петербурге. Он рассеянно не отвечал на слова хозяйки, подде которой он сидел, и слушал.

— Кто это поет? — спросил он.

— Это моя protégée, большой талант, — и баронесса опять начала говорить.

Князь Андрей встал и подошел к клавирам. У них стояла, судорожно перебирая рукой в перчатке по крышке клавиры, та самая девочка в белом платке, которая с грибами бежала ему навстречу в Отрадном. Она была такая же румяная, с теми же блестящими глазами, с тем же выражением полной сосредоточенности в то, чем она была занята, и довольства собой, беззаветно-завистливо действовавшего на душу князя Андрея. «Нет ей до меня дела. А я хочу ей быть нужнее».

И вся весна прошлого года с своими ощущениями надежды, чего-то лучшего, чем жизнь, мгновенно воскресла в его душе. «А было же это хорошее время!» подумал он. После него Наташу окружили, и князь Андрей заметил, что как с дурными девушками она была самая бойкая и веселая, так и здесь она была самая границозная и милая светская барышня. Вся эта светская неестественность была в ней, но даже и эта неестественность была в ней милой и естественной.

— Il faut que je vous fasse faire la connaissance de la petite Rostoff — elle est charmante malgré son papa*, — сказала хозяйка князю Андрею.

Но почему-то, сам он не знал почему, князь Андрей стыдился от этой чести.

*) Я должна вас познакомить с маленькой Ростовой: она прелестна, не смотря на отца.

Н. СИМОНОВ.

С т и х и

Плюшевые волки,
Зайцы, погремушки.
Детям дарят с елки
Детские игрушки.

И, состарясь, дети
До смерти без толку
Все на белом свете
Ищут эту елку,

Где жар-птица в клетке,
Золотые слитки,
Где висит на ветке
Счастье их на нитке.

Только дед-мороза
Нет на макушке,
Чтоб в ответ на слезы
Сверху сыпал игрушки.

Желтые иголки
На пол осыпают...
Все я жду, что с елки
Мне тебя подарят.

1941.

Из книги «Стихотворения и поэмы». Москва, 1945.

Народный Украинский Фронт

21 декабря, в большом зале Могюла-ты, Украинский Народный Фронт торжественно отмечал 25-ю годовщину УССР.

Зал был переполнен. После приветственного слова генерального секретаря организации «СССР — Франция» П. Перо, украинским хором под управлением Савчина были исполнены Советский гимн и Марсельеза, а также ряд украинских народных песен. Артистическая программа закончилась балетным номером в исполнении Анны Лори и Жанны Гисп.

В заключение был показан чудесный советский фильм, хорошо известный русской колонии Парижа «Свириарка и пастух».

С. М.

Лекция Ф. Журдена

4 января, в помещении Союза, 4, рю де Галлея, состоится лекция известного французского писателя по вопросам искусства Франсиса Журдена, на тему: «Что такое живопись».

Начало в 20 ч. 15 м. Вход свободный.

Вечер „Габимы“

Очень интересный вечер состоится 29 декабря в зале Шопен-Плейель, устраиваемый культурным и артистическим центром федерации еврейских организаций в честь театра «Габима». Среди участников: одна из создательниц этого театра Шошана Ави-виг, Шарль Дюлен (директор театра Ави-виг), Жан-Луи Барро (заступник Комеди Франсез) и оркестр и хор центра федерации.

Коньяк
русские знатоки
с 1863 года
CAMUS
"LA GRANDE MARQUE"
COGNAC

Наша надежда вернуться в 1946 году на Родину

Сочельник у партизан

Вот уже два года прошло с того памятного вечера, а как будто это было вчера. Яркие, незабываемые события, казавшиеся такими обычными и незначительными, когда их переживаешь и приобретаешь весь смысл свой и свою предельно в воспоминаниях.

Это было в канун Рождества, во время немецкой оккупации, в одной из маленьких деревушек юго-западной Франции. В это время в холмистых и покрытых лесом департаментах Лота и Дордоны уже формировались небольшие партизанские отряды. Шли в них молодые французы призывного возраста, не желавшие ни служить немцам, ни ехать на работу в Германию; республиканцы-испанцы, русские, итальянские, польские рабочие — беженцы и все, кому дорога была свобода и независимость от общего врага существование.

Вся эта разношерстная, разноязычная молодежь выбрала себе наиболее достойного и опытного начальника, которому все подчинились и жили в тесной дружбе, всегда готовые к риску и самопожертвованию в борьбе с хорошо вооруженным и организованным врагом — немецкой оккупационной армией.

Маленький отряд партизан был создан в Сентане и одним из первых вошел в него и пишущий эти строки. Поздно управившись с работой, если мы в этот вечер с женой ужиная и только успели кончить, как треск мотоциклета во дворе заставил нас немедленно встать. Не немцы ли? Стук в двери. Условный пропуск. Вошел начальник специальной группы партизан, Пернарес, с несколькими молодыми ребятами. Рассказывали, завязываем разговор. Немного спустя снова стук. Группа партизан из соседнего тырнеакского лагеря. Подходят и наши саниты. Комната быстро наполняется молодыми, здоровыми, веселыми ребятами. На столе появляется бутылка с темно-желтым напитком, приготовленным женой по французскому рецепту. Партизаны улыбаются знакомой бутылке — «Черно де маки». Мирно беседа, делится впечатлениями дня и последних новостями.

Кто то вспоминает, что сегодня сочельник и завтра Рождество. Разговор быстро переходит на эту тему. Когда то в этот день мы устраивали семейную рождественскую встречу. Вмешивается хозяйка дома — а почему бы и сегодня не встретить Рождество? Разве у нас не партизанская семья?

Сказано-сделано. Один из нас достает из походной сумки коробку сардинок, другой — коробку английских масленых консервов, третий — пару бутылочек доброго французского вина. Хозяйка ставит на стол жареную телешину, с трудом добытую ею накануне у соседа крестьянина, тайно закопавшего теленка. Появляются бутылки с местным портландским пивом, слабым 7-8 градусным вином, правды, приятным на вкус. Вытаскивается и бутылка с «Черно де маки». Состраивается «самобранка» и мы обращаем наш большой, старый кухонный стол в праздничный.

А вокруг стола какая теплая компания! Вот улыбающийся, симпатичный начальник

местной группы, старый француз, подпартизан Рик — герой первой европейской войны и кавалер целой дюжины крестов и медалей. Рядом с ним его два сына: младший 18-летний, его помощник и заместитель, и старший — славный 20-летний юноша, отказавшийся служить немцам и ушедший в лес. Дальше — Пернарес — молодой испанец, лейтенант-динамитчик, герой испанской республиканской армии...

По мере опустошения бутылок и блюд, вся наша компания оживает. Гудит веселая, шумная, дружеская беседа на домашнем французском языке со всевозможными акцентами: испанским, русским, польским... Даже молчаливый Пернарес разошелся и рассказывает о своих боевых приключениях. Все слушают его с интересом. Кто то из молодых заводит песню. За первой песней следует вторая, третья. Я тревожно оглядываю комнату. Окна занавешены толстыми одеялами. Звонят стеновые винтовки. На маленьком столике в углу — целая гора оружия: пистолеты, гранаты, патроны... Эх, была не была! Гудит, ревет, может, завтра умирать придется...

Вдруг сильный гул мотора заставил всех вскопиться. Все вскочили. Новички выскочили из окон. Шум пронесся где то совсем близко и скоро удалился. Ложная тревога — это друзья: союзный самолет ищет места для парашюта оружия партизанам. Снова все возвращается на свои места. Начальник поднимает над новичками, возвращающимися через дереву. «Ай, да, храбрцы! Поймали немца? Общай хохот».

Далеко за полночь длилось веселье. Рано утром, до пробуждения крестьян, наши части уже на ногах, пьют кофе и расходятся по своим лагерям. Только два молодчика, повидому, переусердствовавших вчера за бутылками, остаются спать до обеда.

А после обеда, церковный звонярь, старик, он же деревенский глашатай, взбравшись на большой камень около церкви, выкрикивает слова приказа немецкого командования: «Всякий гражданин, принявший у себя или оказавший помощь беглецам-террористам, будет со всеми членами его семьи расстрелян, а дом и постройки его сожжены».

И мы знали, что это не пустые слова: в 20-километровой от нас, в одной маленькой деревушке, за несколько дней до этого, был такой случай. В полдень, на небольшую ферму к французскому крестьянину приехал немецкий грузовик с солдатами. Потребовали обеды. Перепутанные хозяева накрыли на стол, и как и чем могли, напоили и накормили немцев. Поев, немцы слезли со стола скатерть, разбили все посуду, вывели хозяина и хозяйку на двор фермы, расстреляли их, а ферму подожгли.

Н. Русак.

С. Обэн.

Лекция проф. Н. Лосского

В четверг, 10-го января 1946 г., в помещении Союза (4, рю Галлея), состоится лекция проф. Н. Лосского, на тему: «Абсолютные ценности по Достоевскому».

МОСКОВСКИЙ АЭРОПОРТ
Московский аэропорт на Ходынке принадлежит сейчас к одним из самых деятельных на свете. Ежедневно в Москву прибывают от 30 до 50 самолетов, и столько же отправляются. Они перевозят 1.000—1.200 человек в сутки. Но кроме пассажиров, на самолетах производятся и легко-грузовые движения. Прибывают части для машин, мелкаменты, химические продукты и ежедневно уходит из Москвы до пяти тонн писем.

На московском аэродроме приземляются самолеты из Берлина, Праги, Будапешта, Парижа, Лондона, Осло, Белграда и Варшавы.

Театр и экран

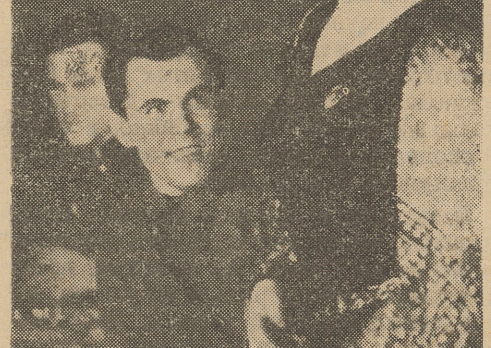
Ларисса Александровская

(ЗАЛ ГАВО — 18 ДЕКАБРЯ 1945 Г.)

Приезд Лариссы Александровской, поставленной певцы Советского Союза, лишний раз убедил нас в превосходстве русской и итальянской школ, имеющих в своей основе одна — фонетику русской народной песни, другая — итальянское бал-канто.

Именно поэтому великий Шалляпин, средствами выражения которого были только русский и итальянский языки, даже вещи иностранного репертуара, в частности произведения немецких и французских композиторов, исполнял только в русском, конгенитальном переводе. Эта традиция вошла в кровь и в плоть русских исполнителей, достойной представительницей которых и является Ларисса Александровская. Поэтому, в арии Далилы («Самсон и Далила» Сень-Санса) она имела возможность достичь совершенной округлости звука и придать сцене завлекающую Самсона тот необходимый оттенок голосового очарования, который недоступен французским певцам в силу особенностей фонетики французского языка (сдавленные а, о, у, также недостаточная четкость некоторых согласных и т. д.). Безукоризненное и естественное «долгое дыхание» Александровской, огненная звучность ее во всех регистрах без малейшего напряжения льются мощно-сладко особенно ярко выявляются в кульминационных пунктах рецитатива и хабаньеры Кармен. Искусство рецитатива, искусство говорения пения доходит у Александровской в романе Даргомыжского (своего рода маленькой музыкальной драме) при слове «безумная» — до высокой степени задушевности и выразительности.

Только во втором отделении, нашему сознанию стало ясно, что эта певичка, эта настоящая русская певичка привезла нам привет с нашей далекой родины в виде советских народных песен. Свежий юмор «Чабарка» (Муз. Соколовского), «Солнечная полночь» Седова (слова Фатьянова) с ее любовью русского человека к своей гармошке, поверенной всех сердечных утех и невзгод, «Тройка» (гармонизация Волкова), «Мятлища», и с

Артистка на концерте в школе.

ских исполнителей, достойной представительницей которых и является Ларисса Александровская. Поэтому, в арии Далилы («Самсон и Далила» Сень-Санса) она имела возможность достичь совершенной округлости звука и придать сцене завлекающую Самсона тот необходимый оттенок голосового очарования, который недоступен французским певцам в силу особенностей фонетики французского языка (сдавленные а, о, у, также недостаточная четкость некоторых согласных и т. д.). Безукоризненное и естественное «долгое дыхание» Александровской, огненная звучность ее во всех регистрах без малейшего напряжения льются мощно-сладко особенно ярко выявляются в кульминационных пунктах рецитатива и хабаньеры Кармен. Искусство рецитатива, искусство говорения пения доходит у Александровской в романе Даргомыжского (своего рода маленькой музыкальной драме) при слове «безумная» — до высокой степени задушевности и выразительности.

Только во втором отделении, нашему сознанию стало ясно, что эта певичка, эта настоящая русская певичка привезла нам привет с нашей далекой родины в виде советских народных песен. Свежий юмор «Чабарка» (Муз. Соколовского), «Солнечная полночь» Седова (слова Фатьянова) с ее любовью русского человека к своей гармошке, поверенной всех сердечных утех и невзгод, «Тройка» (гармонизация Волкова), «Мятлища», и с

гордостью и достоинством вычеканенный «Наш тост» («Здравина» белорусского композитора Лубана) — с предельным совершенством, без малейшего напряжения были исполнены певичей.

Необходимое волнение овладело русскими людьми при звуках «Старинного вальса» Блантера («В лесу прифронтовом»):

С беззвучной, несвесом
Слетает желтый лист.
Старинный вальс «Осенний сон»
Играет гармонист...

Особенно трогательно прозвучало прощальное приветствие возвращавшейся на родину певички в песне белоруса Лубана:

Бывайте здоровы,
Живите богато,
А мы уезжаем
До своей хаты.

И когда перед нашим мысленным взором встали народные бои, тяжкие часы которых скрашивало искусство Александровской, то мы поняли, что ее значение заключалось не только в ее вокальном искусстве: перед нами стояла русская народная певичка.

Это оценили признательные слушатели.

А. Заславский.

Русский Театр

«Оболтусы-ветрогоны» — Яковлева. Пьеса, которая некогда сезонами не сходила с подмостков русских театров. Во всяком случае, она дает возможность выступить театральной молодежи, так как в ней много молодых ролей.

С этой точки зрения можно отметить, что пьеса была действительно разыграна молодо и с большим воодушевлением. Б. Карбанов и Н. Петручки вызвали смех своими проделками. Они были симпатичными и добродушными «ветрогонами», что придавало пьесе оттенок задушевности.

Их папашей был Д. Дмитриев. Он был хорошим Горюхиным в своей оптимистической крылатке и в удачном гриме. Отметим также П. Горина. Он отлично вел свою роль, да образ горделивого Житова. Как всегда, на своем месте в роли помещика была О. Карелина.

У А. Александровского мы хотели бы видеть больше «опоханской» силы. В маленькой роли выступала Н. Примак. Наконец, на сцене было много нашей театральной молодежи. Выступили: А. Бурдина, И. Бутаков, Н. Носович, М. Пискунов, Н. Салгирев. Ставил пьесу Б. Карбанов.

С большим успехом в воскресенье прошла знаменитая пьеса М. Горького «На дне», в постановке В. Гюи и П. Павлова. Можно отметить, что пьеса была разыграна с большим подъемом. Публика вызывала аплодисменты.

Н. Н.

В субботу, 29 декабря, спектакля нет. В воскресенье, — последний спектакль этого года. Пойдет во второй и последний раз веселая комедия Яковлева, в постановке Б. Карбанова «Оболтусы-ветрогоны».

Провансальская легенда

Здесь деревья гнутся — к морю,
Словно гонят их мистраль.
Здесь на солнечном предгорьи
В феврале цветет миндаль.
И, как темные кулисы,
Недвижимы и горды,
Охраняют кипарисом
Низкорослые сады.

Здесь, в предвечерние ночи,
В близких каменных домах,
Где живет народ рабочий —
Виноградари и батраки,
Где в наречии голос медный,
Римской памяти металл, —
Провансальскую легенду
Я на память записал.

...Ночь темна. В тумане Рона.
Гаснет свет во всех домах.
Гаснут окна и балконы.
Мир усталый спит вьетмах.
Спят в кроватках дети сладко.
Глубока ночная тень.
Нарабатывали ребятки
За рабочий долгий день.
На устах улыбка бродит,
Щеки розой расцвели...

...На бесшумном самоходе,
Чуть касаясь до земли,
По окресткам, в домишках
Подвезает Светлый Маг,
И к девочкам и мальчишкам
Направляет мерный шаг.
Добродушно сдвигает брови,
Улыбается, а потом
Всех коснется изголовий
Красным маршальским жезлом.

— Ты, невзрачный пастушок,
— Будешь армией воевать.
— Ты, кудлатая девочка,
— Будешь речи говорить.

— Ты, малыш-погулялец,
— Исхулащенный от нужды,
— Посвятившись для человека
— Медицинские труды...

И в ребячий сон глубокий
Западают писемца,
Западают эти строки,
Словно в ниву семени.

Париж, 21 дек. 1945.

„Черевички“

Этот чудесный фильм как бы дал нам возможность побывать в московском театре. Фильм — в театральном декорации. Оперная декорация, оперный добродушный русский чорт. И в этом условном мире мы слышали прекрасные голоса, и видели изумительную игру советских актеров. А кроме того — музыка Чайковского, и все очарование голубоватой прозы, из которой сделано, не всегда удачное либретто оперы.

Отметим чудесные голоса: Большакова (Вакула), Големба (Солоха), Грищенко (Аксана), знаменитый бас Михайлов (Чуб).

По этому фильму можно видеть, какие превосходные постановки в Москве и какие в тамошних театрах хоры и оркестры. Этот рождественский фильм весьма кстати пришелся к праздничным дням в Париже. Он еще раз напоминает нам о детских годах, о тех книжках, которыми мы зачитывались, и перед нами еще раз возникли образы кокетливой Оксаны, добродушного медведя, кузнеца Вакулы, проделки чорта с луной и живописные казаны.

Прекрасный праздничный фильм. Хотелось бы увидеть в такой же постановке другие советские оперы и пьесы.

А. Н. Т.

«РУССКИЙ НАРОДНЫЙ ПРАЗДНИК»
8 января в национальном театре «Одеон» большой вечер, под названием «Русский Народный Праздник». В программе: хор Ф. Евсеевского, квартет Н. Кедровой, Трио «Заря», Виктория Рамонова и оркестр балалаечников.

Псков, русский город

В зимнее время особенно часто вспоминается русская зима, северная природа, деревья в райском инее, Псков...

Киезд Писотворский, находившийся в армии Стефана Батория и оставивший интересный дневник о псковской осаде, удивлялся красоте Пскова и сравнивал его с Парижем.

На одной из старинных икон Псков XVI века, со своими белыми круглыми башнями с флюгерами, в самом деле напоминает какой-нибудь западно-европейский город, Данциг или Франкфурт на Майне, а, может быть, и Париж эпохи Генриха IV. В те времена во Пскове было 100.000 жителей, прекрасная артиллерия, библиотека, архитекторы, и строители которых было что то от гениальных достижений.

Польский коенда писал: «Сентября второго дня вступили мы в эту странную и печальную псковскую землю. Здешние пейзажи полны неизлечимой прелестью. Жители занимаются хлебопашеством и рыбной ловлей. В каменностроительном деле они настолько искусны, что их с великим прелещением приглашают в другие страны и города».

Псков выдержал осады двух выдающихся стратегов своего времени — Стефана Батория и Густава-Адольфа.

Враги неоднократно пытались на псковские стены. На псковских башнях развешены голубые знамена с крестом св. Стефана. Ландскнехты размахивали палашами!

Виват! Виват! Викторий!

Но в воздухе было тревожащее ядро, выпущенное из чудовищной псковской пушки, которую называли «Варсом», потому что на ней, среди херувимов и пифолов царского имени, был вылит герб Пскова — геральдический бар и рука, протянутая из облаков, на лазурном поле. И враги погибали под развалинами башни.

Псков всегда был верен России.

Со своей пресвитерианской церковью, с полами, выбрасываемыми из боковой среды, Псков жил особенной жизнью.

Псковская летопись начинается словами: «А о Пскове граде»... Не Псков, а Псковск. Может быть, от слова всплеск, речное плескание: в псковской воде много воды, сырости, грибов и незабудок.

На псковской реке был перевоз. Однажды два перевозчика Игоря, делавшего здесь княжеские ловы. Потом Ольга стала княгиней. Но в дни славы она вспоминала это раннее утро, глядя на горевший Искоростень или в константинопольском дворце, когда она кинула голов на церемонное приветствие византийской императрицы.

На мече псковского князя был девиз по латыни: «Homoem meum nepino dabo». Но вместе с этими торжественными ми образами вспоминается псковская, пахнущая афами, свежим тесом и пшеничным запахом ярмарка, рождественские елки на псковском базаре и варенье из моркови.

В 1510 году Москва наложила свою тяжелую руку на город Псков. Псковская республика перестала существовать. Псковичи горько плакали, провожая по московской дороге вечевой колокол — символ утерянных свобод и привилегий. Псковский летописец писал: «Отныне слава псковская... И кто-же не заплачет, кто не зарыдает? О, славнейший город Псков, великий из городов! Чего ты сестрен, о чем плачешь? И отвечает прекрасный город Псков: как мне не естовать, как мне не плакать и не скорбеть о своем опустошении, — прилетел на меня мотокрылый орел, с крыльями, полными львиных когтей, и взял у меня гирю кедров ливанские — красоту мою, богатство мое и детей моих исхитил: по воле Божией, за грехи наши, землю опустошил, город наш разорил, людей моих пленил и развел тут, где

не бывали отцы наши и деды». Из Москвы приехал в город наместник — тушной наденный боярин в парской шубе, и с ним отряд стрельцов в плоских, как тарелки, плащах.

Правителем канцелярии при наместнике состоял московский дьяк Михаил Мунехин, по прозвищу Мисюр, один из образованных людей своего времени, превосходный администратор и повидому очень интересный человек. В последних годах XV века он совершил благочестивое путешествие на Восток, побывав в Константинополе, на Афоне, в Палестине, где он своими собственными любознательными глазами видел разное христианских святых. Он видел море, зарпные корабли, Египет. Его рассказами об этих землях воспользовались в своих сочинениях ученый монах Филофей, который жил в те дни в одном из псковских монастырей и писал по многим вопросам, интересовавшим русское общество того времени.

Сам Мунехин особенно интересовался астрологией. Можно предположить, что интерес к астрологии занесли во Псков ганзейские купцы. Псков в те годы был пороганным городом, видным участником Ганзы, имел обширные торговые сношения с Ливонией, Данцигом, Любеком. Это было окно в Европу. Через это окно врывается затихавший в Скифии ветер Ренессанса, а вместе с ним — туманные сведения об Америке, табачное зелье, книги и ереси, а также соблазнительная наука о влиянии звезд на судьбы человека.

На основании одного из сохранившихся писем Филофея, с которым дьяк Михаил Мунехин вел оживленную переписку, можно вывести заключение и о его административных талантах. Мунехин применял в области, в которой он, при частой смене неведомых и ленивых наместников, фактически распоряжался, вполне рациональные приемы администрирования. Так во время знаменитого псковского мора он заграждал заставками псковские дороги, запечатывал

вал дома, где были обнаружены случаи эпидемии, и хоронил мертвецов в отдалении от жилых мест.

Все эти подробности мы знаем из посланий и писем Филофея. Старец жил в Елеазаровом монастыре, в 28 верстах от Пскова, на берегу Псковского озера, в диких северных лесах. Монастырь существовал до последнего времени. Монахи приезжали в город на огромных ладах с четырехугольными широкими парусами. На них приозерные мужики привозили в город дрова и знаменитые елочки. Вероятно, во времена Мисюря и Филофея на реке Великой плавали такие же неуклюжие лады и таким же образом старец присылал письма псковскому вельможе или сам приезжал к нему, чтобы беседовать с дьяком по поводу астрологических ересей или о прекрасных судьбах христианской России.

В письмах к Мисюрю Филофей скромно отмечает, что он был «сельским человеком», что он учился только азбуке, не устранив философских диспут и не зная «великих борзостей», но, видимо, он интересовался и философией, и во всяком случае теми вопросами, которые возникли в те годы в русском обществе. Среди его писем сохранилось послание Мисюрю с опровержением некоего Николая Немчина (который утверждал, на основании астрологических выкладок, что в 1524 году должен произойти конец мира) и знаменитое письмо к Иоанну Грозному.

Что волновало тогда умы русских людей? Ересей жидовствующих, ожидание кончины мира, борьба с sodomским грехом и особенно идея Третьего Рима.

Горделивая мысль о Третьем Риме возникла в среде московских людей еще в XV веке, в связи с падением Константинополя и приездом на Москву Софии Палестод. Она привлекла к собой не только гербы, римскую символику, но и византийскую идеологию. Темы филофеевских писаний и являлось богоизбранничество Руси и ее назначение служить оплотом истинного христианства.

Сущность этих идей общеизвестна. Рим пал и зарежен ересью Аполлинария, второй Рим погиб под секирой влукнов Алария. Ныне настало царство Третьего Рима — Москвы и ее соборной церкви Успения вместо константинопольской св. Софии.

«Два Рима пали, Третий стоит, а четвертому не быть»...

В этом Третьем Риме, утверждали московские идеологи, в универсальном русском государстве должны слиться все христианские царства. Но интересно отметить, что эти московские идеи подхватили и развили не московский писатель, а исконно византийский, сумевший возвыситься до понимания общерусских государственных задач, хотя и был патристом своего города, который он очень любил и никогда не упускал случая защитить его от нападок.

Вот выписка из сочинений Филофея: «Бегание жены») в пустыню от старого Рима опрещенного ради служения, понеже весь великий Рим падеши и боится неверием Аполлинария ереси неистейств. В новой же Рим бежа, еже есть Константинград, но не тамо покоя обрете сседиения их ради с латынью на Осом соборе. И оттоде Константинополя церковь разрушися и положиши в погнание, яко овиное хранилище. И паки в третий Рим бежа, иже есть в новую великую Русию»...

Сравнение константинопольской церкви и ее опугунительской политики с малочисленным «овощным хранилищем» не лишено литературной прелестью.

Но возникновение в Москве таких сложных понятий, как идея Третьего Рима, объясняется необыкновенно выросшим в ту эпоху чувством национального самосознания, в связи с политическим могуществом русского государства и с его победами, к каким надо отнести покорение татарских царств. Даже вне религиозного плана Москва являлась в ка-

кой то степени наследницей Византии. После падения Константинополя она оставалась единственным крупным и свободным христианским государством на православном Востоке. Мало того, она оказалась мостом на рубеже Европы и Азии. Эта роль в культурном и в политическом отношении принадлежала раньше Риму, затем — Византии.

Но Рим не только географическое понятие. Рим прежде всего понятие универсальное — идея организации всего цивилизованного мира, идея мира в смысле безопасности и мирного жития народов. Рим — проблема Востока и Запада. Государство, которое можно назвать империей, должно находиться на границах этих двух миров. Такое местоположение и такая огромная задача и выпала на долю Москвы.

Прошли столетия. Петр официально назвал свое государство империей. Иногда имперский дух в России вспыхивал довольно ярко, как, например, в екатерининскую эпоху, иногда угасал, как в два последние царствования, отличавшиеся особенным политическим провинциализмом. Но самое интересное, что великая задача России, конечно, отнюдь не в смысле империализма, а в роли охранительницы мира на рубеже Азии и Европы перешли по наследству и к Советскому Союзу. Только советский государственный гений в состоянии разрешить проблему взаимоотношения этих двух миров.

Любопытнейший псковский дьяк и книжник Филофей не предполагал, вероятно, даже во время своих бесед о Риме, какая великая участь ждет их страну. Дело, конечно, не в триумфах и не в римских профилях, а в организации мира во всем мире. В этом отношении советская страна является огромным фактором. Но на фоне этих грандиозных событий почему то вспоминается скромная фигура псковского книжника, записавшего в своем дневнике, что Псков — это снежный город и его верность России.

Ант. Ладинский.

*) Жена — Церковь. Восьмой собор — во Флоренции.

СОЮЗ СОВЕТСКИХ ПАТРИОТОВ

В воскр., 30 дек., точно, в 10 ч. 30 м.
СИНЕМА St-Dider.
48, rue St-Dider.
Métro: Victor Hugo, Trocadéro.
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФИЛЬМ
АКТРИСА
и КИНО-ХРОНИКА
Пригласительные билеты — в Союзе:
4, rue de Galliera. — 40, rue St-Dider.
В день просмотра пригл. только на
40, rue St-Dider.

СОЮЗ СОВЕТСКИХ ПАТРИОТОВ

В воскресенье, 6 января, точно, в 10 ч. 30 м.
СИНЕМА St-Dider, 48, rue St-Dider.
Métro: Victor Hugo, Trocadéro.
„Без вины виноватые“
по пьесе А. Островского.
и КИНО-ХРОНИКА
Приглас. билеты — в Союзе:
4, rue de Galliera. — 40, rue St-Dider.
В день просмотра пригл. только на
40, rue St-Dider.

Американская „клякwa“

Американская печать чрезвычайно интересуется СССР, но глубоким познанием России она не блещет. Вильям Черберлен в «Гарперс» приводит нелюбо серию американских «клякwa» о СССР, принадлежащих иногда перу столбов американской журналистики.

Так, популярнейшая журналистка Дороти Томпсон, передовицы которой появляются одновременно в 70-ти газетах, сообщает, что летство Сталина протекает в пору, когда массы русского народа изнывали под игом крепостного права.

Писательница, очевидно, упустила из виду, что крепостное право было отменено в 1861 г., а Сталин родился в 1879 г.

Издающийся в огромном количестве еженедельник «Лайф», в котором подвизается советонавистическая Клара Люс, сообщает, что Пушкин был сослан на Кавказ и там убит на дуэли, а покойный конкурент Рузвельта на президентское кресло, Уиндлер Уилки совершивший молниеносную поездку по СССР, сообщает о смерти Пушкина в Якутске.

Александр III, — сообщает опять «Лайф», — пал жертвою террористов, тогда как на самом деле он пал жертвой нефрита.

Но рекорд «клякwa» останется, вероятно, надолго за Дороти Томпсон, на передовице которой американский читатель узнал, что СССР состоит из шести (!) федеративных республик.

Бандитизм в Европе

Газеты сообщают, что один итальянский монастырь подвергся нападению бандитов. Нападение было отбито монахами при помощи гранат, которыми полиция предусмотрительно их снабдила.

Участились случаи нападений на прохаживающихся в ночное время и грабежи в Париже. Еще недавно в парижских газетах писали об участии в этих актах бандитизма многочисленных дезертиров союзных армий. Но особенно, в связи с окончанием войны, увеличилось число преступлений в Англии.

Бандитизм в Лондоне принял такие размеры, что газеты называют этот город «Чикаго на Темзе». За последнее время участились случаи разбоя на улицах, вооруженных грабежей и краж. Злоумышленники и бандиты во многих случаях принадлежат к дезертирам американской, британской и польской армий. Общее количество таких дезертиров исчисляют в Лондоне до 10.000.

Английская и американская военная полиция принимают экстраординарные меры, чтобы очистить столицу от нежелательных элементов.

КА.Д.И.

18 декабря состоялось общее собрание интернационалы секций организации КА.Д.И., на котором обсуждались следующие проблемы: вопрос об участии иммиграции в реконструкции Франции и вопрос об юридическом статусе для иммигрантов. Эти вопросы будут главными на предстоящем в феврале 1946 г. конгрессе КА.Д.И.

Ресторан **„COQ-HARDI“** 31, AV. DE VERSAILLES. Tél.: AUT. 94-05. Autobus: 72. Métro: Javel. РУССКИЕ И КАВКАЗСКИЕ БЛЮДА.

CONFISERIE-PÂTISSERIE PAUL. **П. К. ЯКОВЛЕВ** поздравляет многоуважаемых клиентов с НОВЫМ ГОДОМ. У ПОЛЯ ВСЕГО ВВОЛЮ. ВСЕ КОНДИТЕРСКИЕ ИЗДЕЛИЯ. 11, impasse Saint Charles (100, rue Saint Charles). Métro: Charles Michels (Beaugrenelle). Tél.: LEC. 90-47.

КОНДИТЕРСКАЯ **JULIEN** поздравляет клиентов с НОВЫМ ГОДОМ. 26, rue VIVIENNE.

„OCCASIONS“

PARIS (2). Gutenberg 46-80.

ПРИЕМ НА КОМИССИЮ, ПОКУПКА И ПРОДАЖА СЛУЧАЙНЫХ ВЕЩЕЙ НА НАИЛУЧШИХ УСЛОВИЯХ.

Магазин открыт от 10 до 12 час. и от 14 до 18 час., кроме субботы, воскресенья и понедельника. БОЛЬШОЙ ВЫБОР ПОДАРКОВ К ПРАЗДНИКАМ: серебряные и посеребренные вещи, куверты, чайные ложки, граммофоны и прочее.

ЗАЛ ИЕНА (метро Иена). СОЮЗ СОВЕТСКИХ ПАТРИОТОВ.

РУССКИЙ ТЕАТР.

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 30 ДЕКАБРЯ, 2-ой и ПОСЛЕДНИЙ РАЗ

„ОБОЛТУСЫ-ВЕТРОГОНЫ“

Веселая ком. в 4-х дейст. Яковлева. Постановка Б. Карабанова, пом. реж. С. Гониморовский. Начало ровно в 20 час. 15 мин. Театр отапливается. Билеты: 4, rue de Galliera; 40, rue St-Dидье. В дни спектаклей — в кассе театра с 18 час.

ОТДЕЛ МОЛОДЕЖИ ССП. — 4, rue de Galliera. Воскр., 30 декабря, с 20 до 24 час.

ТАНЦЫ - Оркестр - Буфет

КУЛЬТУРНЫЙ И АРТИСТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР Ф. Е. О. Ф. CHORIN-PLEYEL. Суббота, 29 декабря, 20 ч. 30 м. Большой артистический вечер в честь Национального театра

ГАБИМА

(Москва 1918 — Палестина 1947).

Участвуют: Шарль Дюлен, Жан-Луи Баро.

Шошана Авивит, артистка театра «Габима».

Оркестр и хор артист. центра федерации под управл. БЕРЛИНСКОГО.

Билеты от 50 до 200 фр. ежедневно в Плейел.

ВО ВТОРНИК, 8 ЯНВАРЯ 1946 Г. В 21 ЧАС

в Национальном Театре «ОДЕОН» состоится РОЖДЕСТВЕНСКИЙ СПЕКТАКЛЬ

„Русский Народный Праздник“

Билеты от 25 до 150 фр. ежедн. в театре «Одеон» и у Дюран (пл. Мадлен). Театр отапливается. Концертное бюро К. Кугульский.

К. ТЕР-АБРАМОВ

играет ежедневно, кроме понедельника, во время

THES ET DINERS CONCERTS

„A LA VILLE DE PETROGRAD“

11, rue Daru (1, rue Pierre le Grand). Tél.: Car. 41-17. РУССКАЯ СТОЙКА С ХОЛОДНЫМИ И ГОРЯЧИМИ ЗАКУСКАМИ. ВСТРЕЧА НОВОГО ГОДА В ЗАНОВО ОТДЕЛАННЫХ ПОМЕЩЕНИЯХ

Запись на столики.

Встреча Друзей

Старый русский ресторан и магазин поздравляет своих дорогих клиентов с НОВЫМ ГОДОМ и желает им в наступающем 1946 г. счастья — здесь и на родине. 31 декабря — традиционная ВСТРЕЧА НОВОГО ГОДА. Весело, тепло, уютно. Все напитки и закуски. Птица. Цены нелогичны. 10, rue FREMIGNOT. Métro: Cambodge. Владелец П. П. ПОТЕМИН.

Ресторан **КАСЬЯНЫЧ 83** RUE MICHEL-ANGE. Métro: Porte St-Cloud. Michel-ANGE Molitor. Tél.: JAS. 67-52.

Ресторан **„МЕДВЕДЬ“** 2, rue AUGUSTE BARTHOLDI. Métro: Duplex. Tél.: SEG. 68-80. ВСТРЕЧА НОВОГО ГОДА — ДО УТРА. МУЗЫКА — ПЕНИЕ — ТАНЦЫ.

Ресторан **МИРОН** Водка. Закуски. Все русские блюда. 179, rue St-Jacques. Métro: Odéon. Открыто по понедельникам.

Ресторан **„К НАМ“** 5, rue Royer-Collard. Métro: Luxembourg, Odéon. Tél.: DANton 80-49. ЦЫГАНСКИЙ ОРКЕСТР. Все русские специальности.

Г. Б. Шрейбер

CONSEILLER JURIDIQUE

7, rue du Fg Montmartre. Prov. 90-81. Консультации и дела по всем вопросам права. Возврат отобранных имуществ. Наследства. Развод. Формир. обществ.

Jean Gherman, avocat

39, rue Le Marois. Paris (16). Métro: Porte St-Cloud. Tél.: AUT. 42-86. Дела судебные, административные, фискальные и Ком. Трибуна. Наследства. Разводы. Акты. Общества. Трет. суды. Возвращ. имущ. предпр. кварт. Возмещ. убытков, причин. войной. Советск. законод. Прием 14-15 и sur rendez-vous.

Л. БИЛИС

Кандидат прав Парижского университета. Присяжный переводчик при Парижском трибунале. — ЮРИДИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ. — ОФИЦ. ПЕРЕВОДЫ. Существует в Париже с 1864 года. 24, rue Laffitte. Paris. Tél.: Prov. 50-81 et 50-81. Métro: Richelieu-Drouot.

Говорят по-русски. Говорят по-русски.

Д-р мед. Е. Боровский

Laur. de la Fac. de Paris.

12, av. Wagram. CAR. 30-66. Métro: Étoile. Мочепол. Триппер (лечен. по посл. научному методу). Сифилис, гонорей, склерозирующие утолщ. Кожные болезни, половая слабость, женские болезни. Электротерапия. Ежедневно от 1 ч. дня до 8 ч. 30 м. вечера. ПЛАТА ОБЩЕДОСТУПНАЯ.

Доктор Г. Г. КАРАСИК

дома от 12 до 3 час. дня. 82, rue Ranelagh (métro: Ranelagh). Tél.: JAS. 59-57.

ВЕТЕРИНАРНЫЙ ВРАЧ

М. Кирш

возобновил практику. Пока только по вызовам. Tél.: Jas. 16-68.

АВТО 1188 PERSHING 17' 1/2' 1935. 666. Бензин. ШИНЫ. АСФАЛТ. Директ. Б. БАЛАСНЫЙ инженер

ПИШУЩИЕ И СЧЕТНЫЕ МАШИНЫ с русским и французским шрифтом. Покупка — продажа — ремонт — прокат. Механик Борис САГАЛ. 24, rue d'Hautville. Paris (10). Tél.: Taubout 50-88.

ЛЫСЫЕ только Radium возвращает волосы во всех возрастах, останавливает выпадение, уничтожает перхоть. Болосолечение. Кожные болезни. Препараты ОМОЛОЖЕНИЯ. Абсолютная гарантия. Высылаем повсюду. Ежедневно, 9-17 час, воскр. 9-12 час. Laboratoire. 26, rue Diéulafay. Paris (13). Métro: Tolbiac.

Omnia Nettoyage

НАТИРКА ПАРКЕТОВ, МЫТЬЕ. Быстрое и тщательное исполнение. 10, rue Lancret (16). Aut.: 95-01.

MATHEM. pour BACCALAUREAT. Опытный преподаватель, готовит быстро и основательно к бакалавриату. Pajol. 40, rue Durantin (18). Métro: Blanche.

ОКАЗИОН ВЕЛОСИПЕДОВ, их ремонт, покраска на-горючку. Покупка детских велос. 34, rue Dutot. Métro: Pasteur.

Le Gérant: I. Kasparoff.

Travail exécuté par des ouvriers syndiqués.

IMPRIMERIE de NAVARRE. 11, rue des Cordelières. Paris (13).

ПЕТР I

КНИГА ТРЕТЬЯ. ГЛАВА ВТОРАЯ

— Балюшки, вакурили, как в берлоге! Да сидите, сидите, оудите бев чинов! Здорово! — грубо-весело сказал Александр Данилович. — На реку, что ли, сходим? А? — И он, сорвавшись, стащил шляпу вместе с огромным париком, присел к столу, погладил на выходящих ободанные морщины, взглянул в пустую чашку. — Со скуки рано пообедал, спать лег на часок, а — проспавшись — в доме нет никого, ни гостей, ни челяди. Бросили генерал-губернатора... Мож я во сне умереть и никто бы не знал. — Он глазами мигнул Алексею. — Господин подполковник, перцовочки поднеси, да расстелайся капутки, — голова что-то болит... Ну, а у вас как дела, братья-карабасники? Надо, надо потопорливаться. Завтра схожу, посмотрю.

Алексей принес из сеней капутку и шиф. Александр Данилович, отставшая холерный мизанец с большим бриллиантовым перстнем, осторожно налил одному себе, захватил с тарелки перстень капутки с ледком; приницую, выткнул из чарки и, раскрыв глаза, начал хрюсто жевать капутку. — Хуже нет воскресенья, так я скукаю по воскресеньям, ужас. Или весна что ли злая такая вредная... Все тело разломало и титет... Баю нет, — одна причина... Тут тебе и завоеватели! Довоевались! Построили городок, — баю нет! Ей-Богу, отпущусь у Петра Алексеевича, не надо и не надо мне генерал-губернаторства... Лучше я в Москве, в рядах буду чем нибудь торговать, перебиваться... Да ведь девять-то какие в Москве! Венуся! Глаза лужавые, щеки горячие, сами нежные, проворные да сме-

шлые... Ну, пойдете, пойдете на реку, здесь что-то душно...

Алексей Данилович не мог долго сидеть на одном месте, времени ему никогда не хватало, как и всем, кто работал с царем Петром; говорил он одо, сам думал другое и разное. Приспособиться к нему было очень трудно, и человек он был опасный. Опять — натаски парик и шляпу, накинута плащ на собольем меху и вышел из мазанки вместе с братьями Бровкиными. Сразу в лицо задуд сильный, сирый осенний ветер. По всему Фоминку острову, как называли тогда в старину, а теперь Петербургской стороной, шумели сосны так мягко и могуче, будто их бездны бездн дубового неба лилась река... Кричали грачи, кружась над голыми редкими берегами.

Алексеева мазанка стояла в глубине отведенной от леса и вычороченной Троицкой площади, неподалеку от только что построенных деревянных гостиниц рядов; лавки были накрест забиты досками, кучи еще не приехали; направо виднелись огненные от снега земляные валы и бастионы крепости; пока только один из бастионов — бомбардир Петра Алексеевича. — был до половины отет камнем, там на мачте плескался белый и андреевским крестом морской флаг — в предвещии ожидаемого флота.

По всей площади ветром разило воду; Александр Данилович не разбирая, шлепал ботфортами, шел — наискосок — к Неве. Главная площадь Питербуха была только в разговорах, да на планах, которые Петр Алексеевич чертил в своей записной книжке; а всего-то здесь стоя-

ла бревенчатая прокопанная мохом церковь — Троицкий собор, неподалеку от него — ближе к реке — дом Петра Алексеевича, — чисто рубленая пава в две горницы, снаружи обитая тесом и выкрашенная под кирпич, на крыше, на коньке для красы поставлены деревянные — крашенные — морта и две бобы, как бы с горящими фитилями.

По другой стороне площади находилась низенький голландский дом, весьма расположенный к тому, чтобы туда зайти — из трубы его постоянно курился дымок, за окном, сквозь мутные стеклышки виднелись оловянная посуда и висевшие колбасы, на входной двери намятая презвусный штурман с пиратской бордой, в одной руке он держит пивную кружку, в другой чем играет в кости, над входом скрипела на шесте вывеска: — «Аустерлиц четырех фрегатов».

Когда вышли на реку, ветер подхватил плащи, взметнул парики. Лед на Неве был синий, с большими польями, высокими уже навозными дорогами. Александр Данилович вдруг рассердился: — Две тысячи рублей отпустили ему на все работы! Ах, чернильные души, постылки гробовды! Да напелая я на дьяков, на подьячих, на все Приказы, — в Москве над полукругом трагусе, бумагу переводят. Я здесь хожу! У меня есть деньги, есть лошади, мужиков добрых могу достать сколько надобно, где я их найду? — это мое дело... Вы запомните, братья Бровкины, сюда не дремать приехали... Не доспать, не доспеть — к коню мя должны быть готовы все припасы в бобы, и амбары... Да не только на левом берегу, где вам указано... Здесь на Петербургской стороне должны быть удобства, чтобы подойти, пришвартовать-

ся большому кораблю... — Александр Данилович быстро шел по берегу, указывая — где начинать бить сваи, где ставить причалы. — После морской вытормы подплывает флагман, с палубой, с продирывающимися парусами, — что же ему в устье Фонтанки швартоваться? Нет — здесь! — Он топал ботфортом в лужу. — А случится — приплывет из Англии, из Голландии богатый гость — вот дом Петра Алексеевича, вот мой дом, — милости просим.

Дом Александра Даниловича, или генерал-губернаторский дворец, — в ста саженьях от царской избышки — вверх по реке, на подьячий, золоченый Нептун с трезубцем, на левом скате — Наюда, с большими грудями, докчем опиралась на опрокинутый горшок; в трезубчике портки — шифр «А. М.», обитый емеей; на крыше — на мачте — собственный флаг генерал-губернатора; перед крыльцом стояли две пушки.

Доминко не стыдно иностранным показаться... Хороши, ах, хороши боги морские! Вот, кажется, вышли из моря и легли у меня над крыльцом... А как флот то со Свири здесь мимо проплывет под парусами, да из пушек мы надымим... Красиво, ах, красиво...

Александр Данилович любовался на свой дом, прищуривая синие глаза. Потом повернулся и глядя на досады, глядя на далекий правый берег, где ветер качал многие сосны среди шпей и шпей. — Ах, обидно... малость тут попорти-

ли старяча... — Он указал тростью на то место, где Фонтанка вытекала из Невы. — Какая была перспектива перед моими окнами, — бор стоял стеной, там был плезир поставить для летнего удовольствия... Вырубил. Вот, чорт, всегда так... Ну, что-ж, пойдете ко мне, чего-нибудь соберем, выпьем...

— Господин генерал-губернатор, — сказал Алексей, — взгляните — сверху по Неве что-то много саней идет... Уж не государь ли?

Александр Данилович только взглянул: «Он», — и спохватился. Братья Бровкины тотчас побежали в разные стороны с приказами, сам он поспешил к дому, громким голосом зовя людей. И через небольшое время опять стоял на берегу, на мостках, — в одном преображенском мундире, с огромными — шитыми золотом — красными обшлагами, с шелковым шарфом через плечо, при шпаге — той самой, с которой в позапрошлом году лез на abordаж, на борт шведского фрегата в невском устье.

По вздувшемуся льду Невы, на которую и смотреть то было страшно, приближался далеко растянувшийся обоз. Позасотни драгун начали бодить заморенных лошадей и поспешали к берегу, — в опасеньи пользны. За ними по силшюной волне повернул тяжелый кожаный возок и остановился у мостков. Едва только из глубины возка, из-за медвежьих одеял высунулась длинная нога в ботфорте, — около генерал-губернаторского дома углядели две пушки. Вслед за ботфортом выпрыгнули два тузюпых рукава, из них выстрелились пальцы с крепкими ногтями, ухватились за кожаный фартук возка, и оттуда был низоватый голос: — Данилыч, помоги, вот, чорт, — не вылезу...

Александр Данилыч прыгнул с мостков по колена в воду и потащил Петра Алексеевича. В это время все бастионы Петропавловской крепости блеснули огнями, окутались дымом, покатались грохот по Неве. У царского домика на мачту, щелкала, поплот штандарт.

Петр Алексеевич вылез на мостки, потянувшись, распрямился, сдвинул на затылок меховой колпак и — первое, — взглянул на Данилыча, на его покрасневшее от радости лицо, прыгающие брови. Взглянул его рукой за щеки, сказал: — Здравствуй, камрад... Не изволил ко мне приехать, а я ждал... Ну, вот — сам приехал... Тащи с меня тузун. Дорога дрянная, поныне Шлиссельбург едва не потонули, всего утаило на ухабах, в поте — мурашки...

Петр Алексеевич остался в суконном кафтанчике на белом меху; подставлял ветру круглое, небритое лицо со взъерошенными усами, начал глядеть на крутящиеся весенние облака, на быстрые тени, пролетающие по лужам и полянам, на яростное — сквозь прорывы облаков — бездремное солнце за Васильевским островом; у него раздулись ноздри, с боков маленького рта напрыгали желваки: — Парадиз! — сказал, — Ей-ей, Данилыч, парадиз, земной рай... Морем пахнет...

По площади, разбрызгивая лужи, бежали люди. Позади бегущих, тяжело угадывая башмаками, шли в линию преображенцы и семеновцы, в зеленых узких кафтанах, в белых гетрах, держали ружья с балинетами перед собой.

Алексей Толстой.

(Продолжение следует)